

Хранители смерти

ПОВЕСТЬ

Глава 1

— О как я рада, что последовала вашему совету и пришла сюда! — воскликнула Инесса Васильевна. — Какой закат! Какие краски! И вы правы, вы совершенно правы: это то самое место, с которого Костя писал свое замечательное полотно!

— И вы считаете, что вон те трубы и этот ужасный сарай слева, под обрывом, не портят общего впечатления? — спросил спутник Инессы Васильевны.

— Нет, конечно! Не портят, совершенно не портят! — отвечала артистка. — Ведь Костя писал не какие-то красивенькие пейзажики, а саму жизнь, как она есть! В его полотнах уродство этой жизни, ее острые углы преобразуются во что-то совершенно другое, образуют нечто новое. Да, теперь я знаю: он стоял здесь, в этом месте, и писал картину, которую потом подарил мне. Удивительное ощущение от того, что я стою на этом самом месте! Как удачно, что именно сегодня вы успели вернуться с конференции и привели меня сюда!

— А вас не пугает высота? — спросил ее спутник. — Не страшит этот почти отвесный обрыв?

— Нет, я совершенно не боюсь высоты! — гордо ответила Инесса Васильевна. — Артист не может и не должен бояться высоты! И потом, когда я с вами, я ничего не боюсь — ни высоты, ни злых людей.

— В таком случае давайте подойдем еще чуть ближе, — предложил человек, которому артистка выражала столь го-

рячую благодарность. — Оттуда будут видны некоторые подробности и детали...

— Да, конечно, пойдёмте! — согласилась Инесса Васильевна.

Они сделали еще три шага вперед и теперь стояли на самом краю обрыва. Прямо от их ног на глубину пятидесяти с чем-то метров уходил почти отвесный каменистый склон. Далее он становился чуть более пологим, там темнели кусты акации — сейчас, поздним вечером, они слились в сплошную черную массу. Слева за кустами торчали унылые дощатые сараи, ниже дымили трубы крохотного заводика. А дальше, еще ниже, расстился город.

Инесса Васильевна раскинула руки, словно собиралась взлететь — возможно, она вспомнила роль Нины Заречной, в которой блистала пятнадцать-двадцать лет назад. А может, просто так выражала свой восторг. И в этот миг что-то резко ударило ее в спину, так что она и правда полетела, но не вверх, а вниз, с обрыва. Она успела издать лишь короткий сдавленный крик, а потом ее тело ударилось о камни, перевернулось, ударилось еще раз. Артистка катилась вниз, пока ее тело не застряло в кустах и не осталось там неподвижно лежать.

Ее спутник еще раз огляделся (он и во время их беседы постоянно оглядывался, точно ли никого нет), а затем начал осторожно спускаться вниз. Надо было убедиться, что дело доведено до конца. А еще его интересовала сумочка Инессы Васильевны, застрявшая между двух камней...

— Нет, товарищ генерал, это не была естественная смерть, — заверил генерала Орлова начальник Татуевского управления полковник Кожемякин.

— Почему же вы так в этом уверены? — недоверчиво спросил начальник главка.

— Потому что такое заключение дали наши криминалисты, — отвечал Кожемякин. — Их заключение гласит, что удары о камни на склоне не явились причиной смерти Инессы Любарской. Смертельным стал удар в висок острым пред-

метом, по всей видимости камнем. И этот удар не мог быть нанесен естественным образом во время падения. Об этом говорят и угол, под которым был нанесен удар, и его сила.

— Хорошо. Значит, вы пришли к выводу, что вместе с Любарской был ее убийца. Но в таком случае он должен был оставить какие-нибудь следы, отпечатки пальцев...

— Нет, товарищ Орлов, к сожалению, убийца не оставил следов. Почва там каменистая, на ней следов не остается. А отпечатки пальцев... Очевидно, убийца орудовал в перчатках, так что и отпечатков нет.

— А свидетели? Неужели ни одного не нашли?

— Это чрезвычайно пустынное место, товарищ генерал, — принялся объяснять начальник управления. — Обрыв зарос кустарником, забраться туда трудно — кто туда пойдет? К тому же был поздний вечер, темнело. Нет, свидетелей тоже найти не удалось. Но нас беспокоит не это. Если бы дело ограничилось только смертью Любарской, поверьте, мы бы не стали просить вас о помощи, а обошлись бы своими силами. Дело в том, что это уже пятая подобная смерть за неполный год. До этого похожим образом погиб известный в нашем городе ученый, востоковед с мировым именем Федор Овчинников.

— Что, он тоже упал с обрыва?

— Нет, он утонул, но при очень странных обстоятельствах. Я не буду сейчас вдаваться в подробности, иначе наш разговор затянется на несколько часов, а я знаю, как дорого ваше время, но прошу поверить мне на слово: обстоятельства смерти Федора Терентьевича Овчинникова также наводят на мысль об убийстве. А еще раньше, до Овчинникова, странным образом умер художник Игнат Денисович Бушуев, он выпал из окна собственной квартиры.

— И что же тут странного? Открыл человек окно, высунулся слишком сильно, вот и случилось несчастье. Ведь тут, я думаю, не было ударов в висок?

— Нет, ударов не было. Бушуев погиб от удара о землю. Но дело было ранней весной, стояли холода, и никто еще не открывал окна нараспашку.

— Да, действительно странная смерть... — протянул Орлов. — А еще двое? Они тоже были артистами или учеными?

— Нет, еще двое погибших были людьми менее известными, — ответил Кожемякин. — Мужчина в прошлом занимался торговлей, а женщина владела сетью гостиниц. Общего у них с погибшими, о которых я говорил, — преклонный возраст и отсутствие следов на месте преступления, что позволяет предположить, что в нашем городе орудует хорошо организованная банда убийц и грабителей. Вот почему я прошу помощи у Главного управления.

— Я понял, Илья Григорьевич, — сказал Орлов. — Что ж, это дело по плечу только одному человеку — Льву Ивановичу Гурову. Сейчас я его вызову и поставлю перед ним задачу. А дальше уже ты будешь излагать ему обстоятельства дела.

Генерал включил селекторную связь и вызвал полковника Гурова. Когда спустя несколько минут знаменитый сыщик вошел в кабинет начальника главка, генерал познакомил его с Кожемякиным и кратко изложил суть дела.

— Как видишь, Лев Иванович, просьба у товарищей из Татуева не пустяшная, — сказал в заключение генерал. — Пять смертей за неполный год — это не шутка. А еще это полное отсутствие следов... Боюсь, в Татуеве тебе придется мобилизовать всю свою смекалку и знаменитую интуицию, чтобы распутать этот узелок. И сделать это тебе придется без твоего верного друга и спутника Стаса Крячко — для него у меня тоже есть срочное дело, аж в Красноярске.

— Что ж, товарищ генерал, попробую справиться без Крячко, — отозвался Гуров. — Конечно, с ним мы распутываем дела в два раза быстрее, но тут, как я понимаю, важна не скорость, а результат.

— Совершенно правильная мысль, — ответил генерал Орлов. — Ну все, дальше дело за вами. Вперед!

Когда Кожемякин и Гуров вышли из кабинета начальника главка, начальник Татуевского управления сказал сыщику:

— Мы, конечно, можем сейчас пройти в ваш кабинет, и я там изложил бы подробно все обстоятельства этих пяти дел, которые мы объединили в одно, но столь подробный рассказ

займет не менее трех часов. А ведь вам надо еще собраться в дорогу... У меня есть предложение. Я приехал в Москву на служебной машине. До нас ехать недалеко, так что мои земляки предпочитают добираться до столицы на поезде или на автомобиле. Так что мы с вами могли бы поехать в Татуев на моем авто. А по дороге я бы изложил вам все подробности этого дела — по крайней мере те, которые мы успели выяснить. Вам ведь не много времени потребуется на сборы?

— Мысль здравая, — согласился Гуров. — Времени на сборы мне и правда нужно немного. Жена сейчас на гастролях — прощаться не придется. Разве что цветы нужно полить. Подъезжайте через час на проспект Мира, к станции метро. И дайте мне ваш номер телефона, чтобы я вас долго не искал.

Глава 2

Спустя два часа автомобиль полковника Кожемякина миновал последние дома северной окраины столицы и выехал на Ярославское шоссе. По сторонам замелькали перелески в золотистом осеннем уборе.

— Ну вот, теперь мы можем обсудить наше дело детально, — начал начальник управления. — Давайте я вам изложу хронологию этих преступлений. Первое убийство произошло четырнадцатого марта — художник Игнат Бушуев выпал из окна собственной квартиры на проспекте Энтузиастов. Это случилось ночью, около двух часов. Тело пролежало на асфальте до утра, его обнаружили первые прохожие, спешившие на работу. Наши сотрудники, прибывшие на место происшествия, убедились, что дверь квартиры заперта и следов взлома не имеется. Тщательный осмотр квартиры не выявил следов грабежа. Получается, в квартире в момент трагического инцидента никого не было, кроме хозяина. Такое заключение наши люди сделали вначале, поэтому произошедшее было квалифицировано как самоубийство. Однако с этим заключением не согласились ни родственники Бушуева, ни его друзья. Все, кто знал художника, в один голос ут-

верждали, что на всей земле не существовало человека более жизнерадостного, чем Игнат Бушуев. Как заключил близкий друг покойного, художник Брательщиков, Игнат был принципиальным врагом смерти, и он стал бы последним человеком, который смог бы решиться на самоубийство. Ну, так часто утверждают друзья самоубийц, и мы не обратили бы на эти слова внимания, если бы не еще два обстоятельства. Во-первых, повторный опрос жильцов подъезда выявил одного свидетеля, который припомнил, что ночью, как раз около двух часов, он возвращался домой с ночной смены и видел выходящую из их подъезда незнакомую женщину. Между тем никто из жильцов гостью той ночью не принимал. А во-вторых, мы нигде не смогли найти ключи от квартиры. Их не было ни среди вещей покойного, ни в прихожей — нигде. Логично предположить, что ключи унесла с собой женщина, вероятная гостья художника.

— А покойного могла посетить гостья? — спросил Гуров. — Я имею в виду, поддерживал ли он отношения с женщинами? Какое у него было семейное положение?

— О, Игнат Бушуев очень даже поддерживал отношения со слабым полом! — заверил полковник Кожемякин. — Он был дважды женат, имел четверых детей от этих жен. К моменту своей гибели он уже год как развелся со второй женой Лизой и жил один. Но по свидетельству его друзей, женщинами он очень интересовался, друзья с ходу назвали двух подруг художника, с которыми он в последнее время встречался попеременно. Естественно, мы допросили обеих, выяснили все, что к ним относится. Но постепенно подозрения относительно этих дам отпали, стало ясно, что обе непричастны к трагедии. Тем не менее дело было переклассифицировано со статьи «самоубийство» на «убийство». Но это такое убийство, в котором нет ни подозреваемого, ни свидетелей, ни мотива.

— Ну, один-то свидетель у вас имеется, — заметил Гуров. — Тот самый работяга, который возвращался со смены и видел незнакомку в подъезде.

— Да, свидетель Олег Рубцов никуда не девался, — согласился Кожемякин. — Только фактов он нам сообщил не

очень много. Была ночь, а фонарь возле подъезда, как назло, не горел. К тому же Рубцов видел незнакомку с расстояния метров десяти, не меньше. И видит он неважно, у него минус полтора, а очки носить не хочет. Так что фоторобот незнакомки он составить не смог.

— Понятно... — протянул Гуров. — Что ж, Илья Григорьевич, рассказывайте о следующем эпизоде.

— Следующий эпизод совсем другого рода. Произошел он одиннадцатого мая. Жена предпринимателя Олега Востокова пошла за покупками в магазин, а когда вернулась, обнаружила, что дверь открыта, вещи разбросаны по квартире, а в спальне на полу лежит ее муж — мертвый.

— Дверь была взломана?

— Нет, следов взлома нет. Либо у убийцы был собственный ключ, либо Востоков сам ему открыл.

— Дело было вечером?

— Нет, днем, в обеденное время. Бушуев выпал из окна около двух часов ночи, а Востокова убили в два часа дня.

— Ну, в таком случае можно рассчитывать на наличие свидетелей. Вы их нашли?

— Да, нашли, причем троих. И они видели, как из подъезда, в котором живут Востоковы, около двух часов дня вышли два человека с большими тяжелыми дорожными сумками.

— Ага, то есть здесь имел место грабеж, — заключил Гуров. — У Востоковых что-то пропало?

— Пропало, многое пропало, — подтвердил Кожемякин. — Дело в том, что Олег Иосифович Востоков известен, с одной стороны, как успешный брокер, занимавшийся покупкой и продажей акций, а с другой стороны — как коллекционер, собиравший старинный фарфор.

— Гжель? Или хохлома? — уточнил Гуров.

— Поднимай выше! Востоков собирал чайные и столовые сервизы северского и старинного китайского фарфора! Всего у него было девять таких комплектов, и двум из них, как мне сказали знатоки, буквально нет цены. А кроме того, у коллекционера имелись фарфоровые статуэтки, настенные блюда с росписью и другие вещицы. И все это бесследно исчез-

ло. Общая стоимость похищенного, по оценкам экспертов, составляет двадцать четыре миллиона рублей.

— Да, в этом деле и мотив искать не надо, — заметил Гуров. — Но если убийц и грабителей видели сразу три человека, их поиски не должны занять много времени. У вас наверняка уже есть их фотороботы?

— В том-то и дело, что нет. Ведь я вам, Лев Иванович, не сказал одну важную деталь. Да, трое свидетелей видели двух мужчин, выходявших из подъезда. Но разглядеть их лица свидетели никак не смогли, потому что они были скрыты масками. На обоих убийцах были маски Деда Мороза! Ну там розовые щеки, седая борода, все такое. Свидетели, увидев такой маскарад, не знали, что и думать. Во всяком случае, ничего плохого им в это время в голову не пришло.

— Но ведь когда-то эти ряженые должны были снять свои маски. Сейчас повсюду висят камеры наблюдения, можно проследить...

— Да, Востоков жил в хорошем районе, где есть камеры, — согласился Кожемякин. — И одна из них зафиксировала, как двое «Дедов Морозов» садятся в машину. И мы позже эту машину отыскали. Только нам это не помогло: машина оказалась угнанной, а следы своего пребывания в ней убийцы стерли. А маски, наоборот, оставили — они валялись на полу.

— Хорошо. Теперь расскажите, как был убит Востоков.

— Здесь тоже все прозрачно: коллекционера убили двумя ударами ножом, один удар — в сердце, один — в горло. Били обыкновенным охотничьим ножом, который бросили здесь же, на месте преступления.

— Да, действительно, второе убийство резко отличается от первого, — заметил Гуров. — Даже непонятно, почему вы их объединили в одно дело.

— Изначально было только одно дело об убийстве — дело Востокова, — объяснил Кожемякин. — Я уже говорил, что смерть Бушуева мы вначале квалифицировали как самоубийство и только к маю решили его переквалифицировать. А тут как раз подоспело дело Востокова. И поскольку, не-

смотря на все различия, в этих эпизодах присутствуют схожие черты, мы их объединили.

— Ясно... Что ж, думаю, мы можем двигаться дальше. Как я понимаю, у вас есть еще три эпизода.

— Да, еще три смерти, — подтвердил Кожемякин. — Однако... Что у нас за окном?

Вопрос был адресован водителю — молчаливому парню в полицейской форме, который за всю поездку не проронил ни слова.

— Мы только что проехали Переславль, товарищ полковник, — ответил водитель.

— Вот оно как, уже Переславль! — воскликнул Кожемякин. — Значит, скоро проедем Ярославль, а там и до нас недалеко. До Татуева максимум часа два осталось ехать. Надо мне поторапливаться, если я хочу рассказать обо всех эпизодах. Подробно изложить события не получится, но я постараюсь рассказать самое главное.

Третье убийство произошло седьмого июня. Впрочем, это выяснилось позже, когда было найдено тело и проведено вскрытие. А так события начались девятого июня, когда руководство университета обратилось в полицию с сообщением об исчезновении своего сотрудника, известного ученого, востоковеда с мировым именем Федора Овчинникова. Ну, вы знаете, что дела, связанные с исчезновением людей, у нас расследуются не так быстро, как дела о грабежах или убийствах. Лишь спустя два дня в полиции завели дело об исчезновении ученого и начали его поиски. И в тот же день, одиннадцатого июня, рыбаки обнаружили в реке Сить, в двадцати километрах от города, тело неизвестного мужчины. Было установлено, что это как раз тело Овчинникова. Естественно, мы начали искать место, где ученый упал в реку, выяснять обстоятельства произошедшего. Только спустя несколько дней место трагедии было обнаружено. Выяснилось, что ученый упал в воду в пяти километрах выше по течению, в глухом, совершенно безлюдном месте. И опять поначалу мы не собирались квалифицировать произошедшее как убийство. Все выглядело как несчастный случай. Ну, стоял